

"Пожалуйста, не бойся", - прошептал он ей, а может быть, и себе, но, похоже, это не успокоило ни одного из них. Это была глупая просьба.

Ее сердце бешено заколотилось, когда его рука опустилась на ее бедро. Он приподнял мягкую под его ладонями ткань, пока не почувствовал тепло ее плоти вместо шелка платья. Она вздрогнула, но постаралась скрыть это, сделав вид, что слегка отодвинулась. Он не обратил на это внимания, зная, что она не захочет этого. Она закрыла глаза, когда он прикоснулся к ней, словно желая, чтобы она не шевелилась под его пальцами. Он нахмурился от мысли, что его прикосновения ей неприятны. Но он не убрал руку, да она и не просила его об этом.

Ему не нужно было время, чтобы подготовиться. Он не был уверен, что именно вино или близость ее обнаженной плоти способствовали его возбуждению. Возможно, и то и другое, подумал он. Вино придало ему уверенности, и он посмотрел на ее молочные бедра под своими руками. Вид их прижатых друг к другу, крепко стиснутых, подсказал ему, что она все еще не готова к нему. Ее нужно было уговаривать, прежде чем они смогут быть вместе. И он обнаружил, что совсем не против дать ей такую возможность.

Он снова прильнул губами к ее лицу, глаза все еще были закрыты в предвкушении, и по небольшому глотку воздуха, вырвавшемуся из ее губ, стало ясно, что она не ожидала, что он поцелует ее шею. Он провел губами по ее плечу, по всей обнаженной коже, которую прикрывала ночная рубашка. Ее кожа пахла божественно, смесью легкого пота и какого-то парфюма.

Его рука поднялась выше, пока его рот продолжал работать над ее горлом, коснулась мягких краев ее бедер, а затем упругой плоти ее живота. Он почувствовал, как ее тело слегка приподнялось навстречу его телу, и его сердце забилося в предвкушении. Он не стал тянуться выше, опасаясь, как она может отреагировать. Меньше всего ему хотелось напугать ее, когда она так близка к тому, чтобы довериться ему.

Тепло между их кожами переросло из тусклого тепла в жар, от которого его кожа стала влажной. Ее дыхание стало более поверхностным, когда его пальцы сомкнулись на ее грудной клетке, под самой грудью. Движение было настолько внезапным, что он, казалось, не заметил, как ее бедра раздвинулись, пока она не почувствовала, как одно из ее коленей коснулось его обнаженного бедра.

Из его горла непроизвольно вырвался звук, и он поискал глазами ее глаза в поисках разрешения или признания, но они были все еще закрыты, когда он поднялся от ее шеи и нашел их. Он посмотрел на нее, увидел, что ее щеки розовеют от смущения, а кожа над бровями слегка блестит, и подумал, что, возможно, он сделал что-то правильно.

"Селена, - прошептал он, почти касаясь ее губ, но она не открыла глаз. Ее губы коротко дрогнули, реагируя на его близость, но глаза оставались закрытыми. "Селена, - попытался он снова. "Посмотри на меня".

Она хотела вести себя вызывающе, он видел, как она сопротивляется. Его терпение иссякало,

когда он чувствовал, как она корчится под его тяжестью, и он понимал, что не может больше ждать. Но ему нужно было увидеть ее, нужно было взглянуть на нее и убедиться, что с ней все в порядке. И она открыла их, когда его губы одним простым движением прикоснулись к ее губам, и он увидел, как из-под длинных темных ресниц показались голубые глаза. Он спрашивал разрешения без слов, но взглядом.

"Я готова", - попыталась сказать она, но голос слегка задохнулся и перешел в шепот. "Покончим с этим". Ее фасад давал сбои. Он увидел, как из уголка ее глаза скатилась слеза, и остановился, чтобы вытереть ее большим пальцем. Другая на ее место не пришла.

"Дайте мне знать, если захотите, чтобы я остановился", - приказал он и, как ему показалось, увидел ее кивок. Их взгляды не разрывались, пока он входил в нее так медленно, как только мог. Ее ногти вцепились в его руку, и она не смогла удержаться от короткого вскрика.

Он остановился, хотя сердце колотилось и требовало продолжения, потому что видел, как она испытывает дискомфорт от его движений. Но когда его движения приостановились, она покачала головой в знак протеста. Она не хотела, чтобы он останавливался, и он поступил так, как велела его госпожа. Он проникал в нее все глубже и глубже, пока не смог пройти дальше и не издал придушенный стон. Ему было стыдно, что он испытывает такое удовольствие, в то время как она испытывает боль. Но его храбрая жена не проронила ни слова, пока он двигался внутри нее, так медленно и нежно, как только позволяла его агония.

Ее глаза закрывались лишь раз или два, пока он не увидел, как она расслабляется под его движениями. Ее рука все еще сжимала его руку, ногти впивались в плоть, а он продолжал равномерные толчки. Он почувствовал, как она дернулась раз или два - инстинктивные движения, которые только усложнили поддержание медленного темпа.

Он хотел сказать ей, что все почти кончено, что он чувствует, как приближается к концу. Но он не мог произнести ни слова, только тяжело дышал, а потом прошептал извинения, когда ему показалось, что он услышал придушенный крик боли. Она отвернулась от него, спрятав лицо в сгибе руки. Теперь он двигался быстрее, пытаясь прекратить ее мучения. Он тяжело дышал, уткнувшись лицом во влажную плоть ее плеча.